

Олейник С.А., кандидат юридических наук, Международный юридический институт, Москва (Россия).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЛИЯНИЯ НА РАБОТУ С КАДРАМИ В ВОЙСКАХ И ОРГАНАХ НКВД-НКГБ СССР В 1940-е гг. ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ И ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ВОЙСК НКВД АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

После распада Советского государства осуществлялась (и продолжает осуществляться) чрезвычайно активная критика общественного строя, который существовал в нашей стране более семидесяти лет, подвергались обструкции органы и войска государственной и общественной безопасности. При этом, в большинстве своем материалы, свидетельствующие о негативной роли этих государственных структур, опирались на такие источники, как воспоминания участников событий, по всей видимости ввиду того, что в большей своей части данные материалы были засекречены и до настоящего времени недоступны широкой общественности. Вместе с тем, изучение истории должно опираться на объективные факты окружающей действительности.

В данной связи в предлагаемой статье предпринята попытка раскрыть некоторые особенности деятельности этих структур и влияние на состояние работы с кадрами в этом закрытом ведомстве на основе рассекреченных архивных документов Государственного архива Архангельской области. Данный подход опирается на тот факт, что на рассматриваемой территории в изучаемый нами период времени было дислоцировано достаточно большое количество пенитенциарных и иных ведомственных учреждений НКВД-НКГБ СССР и можно условно считать эту область типовой с точки зрения оценки общей обстановки по ведомству.

Ключевые слова: НКВД СССР, кадры НКВД, кадровый состав, надзор, тоталитарный режим, поддержание законности, правопорядок, реагирование, пенитенциарная система.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-99-105

С легкой руки А.И. Солженицына, путем нехитрого рифмования, одно из структурных подразделений НКВД СССР – Главное управление лагерей (ГУЛАГ), превратилось (по всей видимости для благозвучия и повышения внимания к проблеме) в «АРХИПЕЛАГ». Следует отметить, что в одноименном произведении автора, выпущенном в 1973 году, этот орган характеризуется как один из наиболее значимых элементов государственной тоталитарной системы, который непосредственно поддерживал верховенство личной власти партийного и государственного лидера путем всяческого унижения и попрания прав и свобод человека и гражданина [9, с. 110].

Такое явление, как массовые репрессии, проводившиеся в нашей стране в период нахождения на высших партийных и государственных должностях И.В. Сталина, уже многократно рассматривалось в научной литературе. Не существует единства мнений по этой проблеме до сих пор [7, с. 43; 5], однако в большинстве своем работы выглядят однобоко-негативно [1, с. 10; 4, с. 12; 10], что обоснованно (особенно в условиях проведения специальной военной операции) вызывает в противовес такой вопрос: на сколько соблюдались в ходе исследования этих лакун основополагаю-

щие принципы изучения истории – принцип историзма, а также принципы полноты, всесторонности и объективности.

В данной связи, опираясь на рассекреченные архивные материалы полагаю бы уместным (для повышения уровня раскрытия проблемы и повышения объективности имеющихся научных знаний) представить вниманию некоторые, до настоящего времени не исследованные страницы отечественной истории, которые могут пролить свет на некоторые особенности работы такого ведомства (и некоторых его организационных структур), как НКВД-МГБ-МВД СССР.

Данный процесс можно более эффективно, на наш взгляд, проводить, опираясь на изучение организации работы с кадрами этих структур, а также влияние на организацию этой работы надзорных органов [8, с. 28]. В связи с этим в статье предлагается выборка некоторых архивных материалов, представляющих несомненный исследовательский интерес.

Например, как свидетельствуют рассекреченные архивные материалы, публикуемые впервые, в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы во-

енной прокуратурой войск НКВД Архангельской области¹ рассматривались материалы в отношении ряда оперативных сотрудников, следователей, военнослужащих и иных работников данного ведомства.

Одно из этих дел, связанное с пожаром в организации «Катерстрой» в Архангельской области, можно условно считать характерным для того, чтобы можно было понять особенности разрешения противоречия публичных и частных интересов, взаимоотношений «личности и власти» в обозначенный период и раскрыть некоторые особенности организации работы следственных, оперативно-чекистских структур наркомата внутренних дел и надзорного ведомства.

Так, в постановлении помощника военного прокурора капитана юстиции Кобленц от 8 июня 1943 г., которое было утверждено военным прокурором области полковником юстиции Бетиным [2, с. 25], рассматривалось дело по обвинению гражданина «В». Как указывал в документе работник надзорного ведомства, 9 января 1943 года на складе одного из цехов организации «Катерстрой» (которая была подведомственна архангельской трудколонию НКВД для несовершеннолетних), произошел пожар, причинивший убыток на сумму около 200 рублей.

По данному делу были выделены подозреваемые (заключенные трудколонию «В» и «К»), которых планировалось «*привлечь к судебной ответственности за совершение «диверсионного акта»*» (по ст. 58-9 и 58-10 Уголовного Кодекса, поскольку именно таким образом работниками ведомства был квалифицирован (в период войны) поджог указанного склада) [2, с. 26].

В качестве основных улик против названных заключенных явились их собственные признания, а также рассказы, которыми эти же самые лица «*делились во время пребывания в камере в период следствия по делу»*».

Однако в судебном заседании военного трибунала Архангельского военного округа 11 марта 1943 г., обвиняемые «В» и «К» отказались от показаний, данных ими на следствии, поскольку (опять же с их

собственных слов) к ним применялись незаконные методы дознания (избиения, моральное давление и проч.), со стороны работников следствия.

Ввиду этого, военный трибунал направил дело на дополнительное расследование, в ходе которого работниками военной прокуратуры войск НКВД Архангельской области 31 марта 1943 г. было дано указание начальнику оперативно-чекистского отдела прекратить уголовное дела по указанному эпизоду ввиду неустановления причастности подозреваемых граждан к поджогу.

Получив это указание надзорной инстанции, работники следственного органа НКВД «Т» и «С» 16 апреля 1943 г. предъявили гражданину «В» дополнительное обвинение по п. «д» статьи 162 действовавшего Уголовного Кодекса (в связи с возможным хищением зерна в той же трудколонию – однако спустя две недели и это уголовное дело было прекращено производством), при этом и уголовное дело о диверсионном акте одновременно также было прекращено [2, с. 27].

Но спустя неделю, 21 апреля, те же работники следствия вновь (как потом оказалось безосновательно) предъявили повторное обвинение указанным заключенным в поджоге склада и направили материалы для его рассмотрения в военный трибунал войск НКВД Архангельской области.

По поручению военного прокурора Архангельского военного округа, по данному делу было назначено дополнительное расследование по ряду невыясненных обстоятельств, в частности и по вопросу незаконных методов следствия. Допрошенные заключенные «В» и «К» дали подробные показания о том, что работники следствия понуждали их к даче вымышленных показаний о поджоге ими склада и систематически, для достижения своих целей, избивали их. При этом в процессе нанесения побоев принимали непосредственное участие еще два работника оперативно-чекистского отдела.

Прокурорскими работниками был дополнительно допрошен один из свидетелей по данному делу, который показал, что, находясь в одной камере с обвиняемым

¹ К подследственности данного учреждения относились материалы о совершении преступлений военнослужащими и сотрудниками НКВД-МГБ-МВД СССР, работниками подведомственных предприятий и учреждений, а также всеми лицами, находящимися в местах лишения свободы и подозреваемых в повторном совершении преступлений (рецидиве) – *Прим. автора.*

«В», еще в феврале 1943 года узнал от последнего, что на допросах подследственных избивают работники оперчасти и следствия и заставляют сознаться в совершении диверсии, к которой он не причастен. Другой обвиняемый — «К», по показаниям свидетеля (также сокамерника), вернувшись с допросов тоже неоднократно заявлял, что от показаний, данных на следствии, он откажется, поскольку его «били» и демонстрировал следы побоев на теле [2, с. 28].

Кроме того, в ходе изучения материалов дела, проведенного военной прокуратурой, были получены следующие дополнительные, имеющие значение для дела, сведения, которые в совокупности и повлияли на рассмотрение материалов по существу.

Заключенный «В», отбывая наказание в колонии, нештатно исполнял обязанности помощника начальника пожарной охраны, где познакомился с работницей этой колонии (из числа офицеров) «А», с которой его стали связывать определенные отношения и у которой в дальнейшем он «неоднократно бывал в квартире».

В связи с тем, что у него отсутствовала возможность свободно покидать колонию с целью посещения своей новой знакомой, заключенный взял за правило периодически устраивать (путем совершения телефонного звонка) «ложные пожары» (за пределами территории трудколони, но в местах ответственности пожарной охраны), ввиду чего имел возможность выезжать под указанным предлогом из колонии на пожар (а по факту к своей знакомой «на квартиру»).

В день, когда произошло описываемое событие, заключенный «В» также находился у своей знакомой дома и тоже по причине «ложного пожара». По стечению обстоятельств, возгорание действительно произошло и указанное лицо попало таким образом в поле зрения оперативно-чекистского отдела.

Ввиду вновь открывшихся обстоятельств, допроса «знакомой», подтвердившей указанные сведения, уголовное дело в отношении «В» было прекращено производством. Сотрудница ведомства «А» была наказана в дисциплинарном порядке.

Одновременно с этим, 16 июля 1943 г. заместителем начальника Управления НКВД Архангельской области подполковником госбезопасности Бирюковым было вынесено «Постановление о выделении материалов из следственного дела № 370»

ввиду применения незаконных методов дознания со стороны оперработников и следователей. Было установлено, что работники оперчекистского отдела, занимавшиеся следствием по делу гражданина «В» «занимались вымогательством показаний от обвиняемых и незаконно применяли к ним меры физического воздействия» [2, с. 19].

Заметим, что с указанным постановлением был ознакомлен и согласен заместитель начальника оперативного отдела НКВД Архангельской области капитан госбезопасности Вестаков.

Дискредитировавшие себя сотрудники были уволены, следственные дела в отношении этих сотрудников были выделены из указанного следственного дела № 370, переданы в особую инспекцию УНКВД, в их отношении были возбуждены уголовные дела, а в дальнейшем они были осуждены к различным срокам заключения [2, с. 20].

Рассмотрение этих документальных материалов дает нам возможность сформулировать некоторые обобщенные выводы:

- во-первых, со стороны работников оперативно-чекистских и следственных структур действительно совершались такие преступления, как превышение должностных полномочий (в контексте интерпретации их противоправного поведения через современное уголовное законодательство, причем и современное общество все еще не избавилось от таких противоправных аспектов в деятельности соответствующих структур [5]);

- во-вторых, следует заметить, что во главу угла в советском обществе ставилось все-таки достижение законности, правопорядка и справедливости: вряд ли можно сказать, что военный трибунал не до конца исследовал обстоятельства дела, нельзя здесь и говорить о том, что справедливость в конечном счете не восторжествовала;

- в-третьих, следует заметить, что в условиях так называемого жесточайшего «тоталитаризма» вряд ли мог иметь место такой вопиющий случай, как неформальная связь осужденного с работником столь «сурового» ведомства, как НКВД СССР.

В данной связи невольно возникает вопрос, что же это был за «тоталитаризм», при котором за «связь» заключенного с сотрудницей репрессивного ведомства (которая помогла осужденному доказать свою невиновность и избежать уголовного наказания), почему-то никого не «расстреляли» или иным, самым жестоким образом, не покарали.

Почему в этом «тоталитарном» обществе столь существенное внимание уделялось не достижению провозглашаемой в публицистической литературе цели унижения прав и свобод человека и личности, а давалась объективная и беспристрастная оценка противоправной деятельности работникам основного репрессивного ведомства?

Указанный противоречивый эпизод в работе этого до настоящего времени закрытого ведомства не является единичным. В рамках надзорной деятельности органами военной прокуратуры войск НКВД Архангельской области проводились многочисленные мероприятия по проверке возможного нарушения законности в ведомстве, принимались достаточно взвешенные, принципиальные меры реагирования на эти нарушения.

Например, из материалов информирования прокурора Маймакского района города Архангельска тов. Незговорова, военным прокурором войск НКВД Архангельской области от 24 апреля 1944 г. № 065 [2, с. 31], нам известно, что представляемые в военный трибунал войск НКВД Архангельской области материалы в отношении лиц, совершивших дезертирство из областных оборонных предприятий, подведомственных НКВД СССР, зачастую составлялись с существенным нарушением Постановления Совнаркома СССР от 3 января 1943 г. Данное Постановление обязывало руководителей предприятий военной промышленности подготавливать для направления в надзорное ведомство первичные материалы о работниках, дезертировавших с производства (не позднее следующего дня, после установления данного факта). Заметим, что зачастую лица, в отношении которых составлялись материалы о привлечении к ответственности, попросту не были реализованы по различным причинам.

Так, в приказе Директора завода № 25 от 29 апреля 1944 г. по делу гражданки «Г» указывалось «...за систематический невыход на работу дело на «Г» передать в прокуратуру для привлечения к ответственности...». Однако, в ходе допроса работниками прокуратуры гражданки «Г» выяснилось, что невыходы на работы (т.е. в понимании руководства завода дезертирство) были обусловлены банальным отсутствием у нее обуви (в связи с чем после вмешательства работников прокуратуры ей выдали обувь и направили на работу) [2, с. 32].

Или, как видим из материалов в отношении гражданки «С», которая дезертировала с завода № 6 еще 25 января 1944 г., материалы о совершении ею этого противоправного поступка были направлены в прокуратуру на рассмотрение 25 февраля того же года. Ввиду нарушения сроков представления материалов в военную прокуратуру, гражданку «С» также не привлекли к уголовной ответственности, всего лишь указав ей на недопустимость такого поведения [2, с. 32].

Любопытный эпизод содержится в постановлении военного прокурора войск НКВД Архангельской области майора юстиции Емельянова от 25 января 1944 г. В нем указано, что в ночь на 31 декабря 1944 г. две работницы порта «Экономия» оставили работу на кране и договорились с двумя военными служащими 4-го Архангельского погранотряда НКВД СССР (выполняли задачи по охране порта) о похищении ящика мясных консервов. Присутствующие при этом дежурные по причалу не предупредили фактов хищения, а сами приняли в этом деятельное участие. После обнаружения факта хищения в ходе допроса военными служащими и работницами порта пояснили, что действительно «*похитили консервы, которые сразу употребили себе в пищу*» [3, с. 3].

Данный эпизод стал заметным событием в жизнедеятельности порта «Экономия». Путем проведения серьезного прокурорского разбирательства (допросов, опросов, очных ставок и проч.), работники надзорного ведомства пришли к выводу о необходимости «разрешить вопрос о нарушении постовой службы военными служащими-пограничниками в дисциплинарном порядке властью начальника 4-го Архпогранотряда», при этом «*Следственную переписку направить Начальнику отдела контрразведки «СМЕРШ» НКВД для хранения в архиве*» [3, с. 4].

Как видим, к уголовной ответственности снова никого не привлекли. Понятно, что с одной стороны в воюющей четвертый год стране имелись существенные сложности с материально-бытовым обеспечением всех слоев общества (указанные работники совершили хищение консервов ввиду банального голода); с другой стороны, формально налицо совершение уголовно-наказуемого деяния. Почему же в «тоталитарном» государстве никого из этих лиц не привлекли к уголовной ответственности?

Не менее интересен с точки зрения внутриведомственного реагирования на факты нарушения законности материал в отношении работавшей в органах Управления НКГБ по Архангельской области с 1937-го года в качестве надзирателя внутренней тюрьмы гражданки «М».

Утвержденным 27 марта 1944 г. начальником Управления НКГБ Архангельской области комиссаром госбезопасности Писцовым Постановлением, было возбуждено уголовное дело в отношении названной сотрудницы. Основанием для возбуждения уголовного дела явилось расследование, в ходе которого было установлено, что «М», использовала свое служебное положение и представившись (с предъявлением служебного удостоверения работника НКГБ) прибыла на дом к гражданке «Д», дочь которой находилась в заключении. Введя в заблуждение мать заключенной, она сообщила, что её дочери разрешена передача и «она по просьбе последней пришла получить таковую». В результате неправомерных действий сотрудница УНКГБ Архангельской области незаконно получила и присвоила себе «...туфли желтого цвета, платье из ткани, рубашку, рейтузы, чулки, полотенце, наволочку, масла сливочного и песку сахарного по 300 грамм, булочек 13 штук и узелок сухарей...» [2, с. 38].

Вполне естественно, что, какие-либо имиджевые потери от действий такой «сотрудницы» УНКГБ Архангельской области не понесло, поскольку широкой огласке этот факт не предавался (ввиду закрытости ведомства). Вместе с тем, руководство Управления не стало «выгораживать» данную «работницу», а поступило по-партийному принципиально и приняло все необходимые меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления. Гражданка «М» понесла суровое наказание с отбыванием длительного срока заключения в колонии в той же Архангельской области.

Автор выражает глубокую благодарность руководству и сотрудникам ГБУАО "Государственный архив Архангельской области" за оказание содействия в архивном поиске и в работе с архивными материалами

Список литературы

1. Бородкин Л.И. Экономика ГУЛАГа была неэффективна // Наука и общество. - №1 - 2017. - С. 10-12.
2. Государственное бюджетное учреждение Архангельской области Государственный архив Архангельской области (далее - ГААО). Фонд 5593. Оп. 4. Д. 1.

3. ГААО. Фонд 5593. Оп. 4. Д. 2.
4. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. - №1 (66). - 2012. - С. 12-13.
5. Из тюремного ада. Как многолетние пытки и издевательства над заключенными привели к отставке главы ФСИН России. Интернет-ресурс. <https://lenta.ru/articles/2021/11/25/kalashnikov/> Дата обращения: 25.06.2022.
6. Кистанов С.В., Шилова Д.А. Фальсификация фактов советской истории в современной информационной среде // Огарев-Online. 2021. № 4 (157). - EDN GINNOM.
7. Климов А.А. Применение соединений и частей внутренних войск НКВД-МВД СССР в 1940-1950-е годы // Военно-исторический журнал. М. 2010. № 1. С. 43-45.
8. Климов А.А., Олейник С.А. "Тринадцатый воин": некоторые вопросы организации работы с кадрами войск НКВД СССР в 1940-е гг. // Журнал "Всеобщая история". М. 2021. № 12. С. 27-41.
9. Солженицын А.И. «Архипелаг ГУЛАГ». YMCA-PRESS. Париж, 1973.
10. Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia. 1934-1941. - New Haven, 1996. - 140 p.

ABOUT SOME ASPECTS OF THE IMPACT ON WORKING WITH PERSONNEL IN THE TROOPS AND ORGANS NKVD-NKGB USSR IN 1940s. THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE AND THE MILITARY TRIBUNAL NKVD TROOPS OF ARKHANGELSK REGION

After the collapse of the Soviet State, an extremely active criticism of the social system that existed in our country for more than seventy years was carried out (and continues to be carried out), state and public security bodies and troops were obstructed. At the same time, most of the materials testifying to the negative role of these state structures relied on sources such as the memoirs of participants in the events, apparently due to the fact that for the most part these materials were classified and still inaccessible to the general public. At the same time, the study of history should be based on objective facts of the surrounding reality. In regard, the proposed article attempts to reveal some of the features of the activities of these structures and the impact on the state of work with personnel in this closed department on the basis of declassified archival documents of the State Archive of the Arkhangelsk region. This approach is based on the fact that a sufficiently large number of penitentiary and other departmental institutions of the NKVD-NKGB of the USSR were stationed in the territory under consideration during the time period we are studying, and this area can be conditionally considered typical from the point of view of assessing the overall situation in the department.

Keywords: NKVD of the USSR, NKVD cadres, personnel, supervision, totalitarian regime, maintenance of legality, law and order, response, penitentiary system.

References

1. Borodkin L.I. (2017) Ekonomika GULAG bila neeffektivna [The economy of the GULAG was ineffective] *Science and Society*. - No. 1 - 2017. - pp. 10-12.
2. State Budgetary Institution of the Arkhangelsk region State Archive of the Arkhangelsk Region (hereinafter - GAAO). Fund 5593. Op. 4. D. 1.
3. GAAO. Foundation 5593. Op. 4. D. 2.
4. Zemskov V.N. (2012) O mashtabah politicheskikh repressii v SSSR [On the scale of political repression in the USSR] *Political Enlightenment*. - №1 (66). - 2012. - Pp. 12-13.
5. Iz turemnogo ada. Kak mnogie pitki i izdevatelstva nad zaklucennimi priveli k otstavke glavi FSIN Rossii (2022) [From prison hell. How long-term torture and abuse of prisoners led to the resignation of the head of the Federal Penitentiary Service of Russia] *Internet resource*. <https://lenta.ru/articles/2021/11/25/kalashnikov>
6. Kistanov S.V., Shilova D.A. (2021) Fal'sifikatsija faktov sovetskoj istorii v sovremennoj informatsionnoj srede [Falsification of the facts of Soviet history in the modern information environment] *Ogarev-online*. 2021. № 4 (157). - EDN IS A GENIE.
7. Klimov A.A. (2010) Primenenie soedinenij i chastej vnutrennih vojsk NKVD-MVD SSSR v 1940-1950-e gody [The use of formations and units of the internal troops of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the 1940s-1950s] *Military-Historical Journal*. M. 2010. No. 1. pp. 43-45.
8. Klimov A.A., Oleinik S.A. (2021) "Trinadtsatyj vojn": nekotorye voprosy organizatsii raboty s kadrami vojsk NKVD SSSR v 1940-e gg. ["The Thirteenth warrior": some issues of the organization of work with the personnel of the NKVD troops of the USSR in the 1940s.] *Journal "Universal History"*. M. 2021. No. 12. pp. 27-41.
9. Solzhenitsyn A.I. (1973) «Arhipelag GULAG» ["GULAG Archipelago"] *YMCA PRESS*. Paris, 1973.
10. Thurston R. Life and Terror in Stalinist Russia. 1934-1941. - New Haven, 1996. - 140 p.

Об авторе

Олейник Сергей Александрович - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института, Москва (Россия), соискатель ученой степени доктора исторических наук НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, e-mail: oleynik.s.a@mail.ru

Oleynik Sergey Alexandrovich - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the International Law Institute, Moscow (Russia), candidate for the degree of Doctor of Historical Sciences of the Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, e-mail: oleynik.s.a@mail.ru